

Федор Витберг

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗНАЧЕНИИ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ЭЛЕМЕНТА В ЖИЗНИ ДЕТЕЙ¹

*Впервые опубликовано в: Женское образование. 1879. № 3.
С. 175–196.*

По общераспространенному мнению, дети потому любят игры, сказки и разные фантастические рассказы, что у них сильно работает фантазия, для которой игры, сказки и фантастические рассказы служат пищей.

Но в последнее время, с водворением у нас приемов немецкой педагогической теории, к фантазии стали относиться с пренебрежением и она почти признана элементом вредным, мешающим правильному развитию детей. Такое отношение к фантазии выразилось не столько теоретически, сколько на практике, в новейших детских играх, в детских книжках и в приемах не только первоначального, но и дальнейшего обучения. Во всех этих случаях главное внимание педагогов обращено почти исключительно на развитие в детях мыслительной способности, на приучение их к правильному, логическому и, следовательно, более или менее отвлеченному мышлению. Подобный взгляд на задачи первоначального воспитания и обучения заимствован нами от немцев, больших, как известно, любителей разных *Denckübung*'ов (как у них называются упражнения в первоначальном мышлении). Представители самого отвлеченного мышления, философы и рационалисты по преимуществу, немцы, конечно, никаких других взглядов на задачи первоначального обучения не могли и выработать. Вводя в приемы первоначального обучения свои *Denckübungen*, они только остались вполне верными своим национальным особенностям. Каковы бы ни были достоинства немецкой педагогической теории, которая, не забудьте, в Германии не остается только теорией, а находит «живое» приложение в практике, из которой она возникла и с которой вполне согласна, пользоваться ей следует осторожно, заимствуя из нее только то, что может быть применимо ко всякому ребенку, независимо

от его национальности, и отбрасывая все, что более или менее носит на себе узкий, национальный, исключительно немецкий характер. К этому последнему разряду должно быть отнесено и стремление к развитию в детях уже с раннего возраста отвлеченного, логического мышления. У нас эти стремления не могут найти благоприятной для себя почвы, так как склонность к отвлеченному мышлению не составляет выдающейся черты нашего национального характера. Эта разница в национальном характере неизбежно должна отразиться и на характере семейной и общественной жизни в Германии и у нас. Игнорировать в деле воспитания характеристические черты «семьи», среди которой живет ребенок, и общественной жизни, к которой он готовится и в которую вступит со временем, невозможно. Семья и общество представляют единственную почву, на которой может развиваться человек. Оторвать его от этой почвы значит поставить его между небом и землей и лишить его единственной опоры. Заменить эту естественную почву искусственной, чуждой и, следовательно, теоретической тоже нельзя: никакая теория не в состоянии бороться с могучим влиянием действительной органической жизни народа. Между тем мы видим, что в деле как первоначального, так и дальнейшего воспитания и обучения, у нас зачастую склонны руководиться приемами, выработанными не нашей собственной жизнью, а созданными жизнью, для нас чуждой, вследствие чего приемы эти оказываются вполне теоретическими и, в отношении к нашей жизни, насильственными. Что в Германии кажется для всех совершенно естественным и бесспорным, то у нас многих не удовлетворяет, возбуждает в них недовольство и вызывает с их стороны возражения, делается спорным. К числу подобных, спорных вопросов относится и вопрос о характере воспитания и обучения наших *русских* детей. Остановиться на исключительно рационалистическом, рассудочном характере немецкого воспитания и обучения мы не можем. Если для немцев, вследствие указанных выше особенностей их национального характера, представляется вполне необходимым развивать в детях уже с раннего возраста привычку и способность к рассуждению, к отвлеченно-логическому умствование, то это далеко не представляется столь же необходимым и полезным и для нас. Человек, без сомнения, должен приучаться правильно мыслить. Но вопрос в том: как, в какой форме и когда надо начать это приучение? В сущности, мышление, как и другие душевные силы человека, начинает работать в нем очень рано, почти с первых дней его жизни, после первых же впечатлений, воспринятых ребенком от окружающей его внешней жизни.

В первом лепете, в первой улыбке, в первых играх ребенка уже есть мысль. Но следует ли из этого, что ребенок уже способен к упражнениям в правильном, логическом или, как его называет новейшая педагогика, «методическом» мышлении? Если хотите знать ответ на этот вопрос, посмотрите, как ребенок относится к явлениям внешней жизни, в какие формы облакаются у него впечатления от этих явлений. Однажды, во время сильного ветра, от которого деревья гнулись во все стороны, мою четырехлетнюю дочь спросили: как сделать, чтобы ветра не было? «Вырвать деревья, вот и не будет ветра», отвечала девочка, т. е. не будет его видимого, образного проявления. Другой пример: однажды за чаем дети говорят мне: «Папа, мы говорим — зима старуха, а лето — девочка». «Ну, а весна кто?» — спросил я. «Весна тоже девочка, только постарше», — ответила дочь. «Нет, весна — невеста», — сказал сын. (Незадолго до этого разговора дети видели в церкви свадьбу). Подобных примеров, полагаю, всякий, имевший дело с детьми, может сам привести многое-множество, да и у меня далее, в своем месте, будет приведено еще несколько. Что показывают эти примеры? То, что впечатления от явлений внешней жизни слагаются в душе ребенка в известные, более или менее определенные *образы*. Но откуда берутся эти образы? Ведь их нет в действительности, по крайней мере мы их не видим. Эти образы создает детская *фантазия*, которая у детей работает преимущественно перед всеми остальными душевными силами. Только через фантазию, в создаваемых ею образах, могут дети *понимать* окружающую их жизнь; только над создаваемыми фантазией образами могут они не *размышлять*, а *задумываться*, бессознательно, с наивным увлечением отдаваться той творческой деятельности, которая создает полный мысли и чувства, жизни и поэзии мир образов и картин. Самым лучшим плодом этой творческой деятельности фантазии является *сказка*, потому-то дети и любят так сказки. Но не в одних сказках находит удовлетворение детская фантазия. Деятельность ее проявляется в детском возрасте постоянно, во всем, что делают дети, подобно тому, как в деятельности взрослого человека постоянно, во всем, в самых даже мелочах жизни, проявляется мысль. Более же всего, после сказок, детская фантазия находит удовлетворение в играх. Игры — занятие очень серьезное, настолько же серьезное, как для взрослых их «дела», их занятия служебные, научные, общественные и т. п. В играх дети видят не простое времяпрепровождение; они ценят в них возможность дать простор творческой деятельности своей фантазии. Игрушки, не удовлетворяющие этой деятельности, как, напр., все механиче-

ские игрушки, очень скоро перестают занимать детей. Они, конечно, с большим любопытством смотрят на какую-нибудь заводную мышку или лошадь, на какого-нибудь хитро-придуманного паяца, но «играть» с ними никогда не будут, потому что с ними «играть» нельзя: приходится постоянно повторять какое-нибудь однообразное действие — заводить, вертеть, дергать и т. п. Дети не находят в этом никакого интереса. Зато, посмотрите, с каким увлечением, по целым часам, занимаются дети куклами, постройками, игрой в «гости», в «хозяйку и няньку», в «путешествие» и т. п. В этих играх дети увлекаются не внешностью, не разбитой и, в сущности, безобразной куклой, не удовольствием быть «хозяйкой», «поваром», «извозчиком» и т. п., а той творческой деятельностью фантазии, теми образами, внешним выражением которых служит игра. Поэтому, дети не любят, когда взрослые очень часто вмешиваются в их игры со своими советами и наставлениями и почти никогда этих советов не исполняют: они хотят, чтобы всем удовольствием игры они были обязаны самим себе, между тем как вмешательство и советы взрослых именно это-то и отнимают у детей. Ведь и взрослые не любят, когда без нужды вмешиваются в их мысли, мнения и образ действий. В этом стремлении к самостоятельности в своей внутренней жизни проявляется не гордость и не самонадеянность, а совершенно естественное отвращение к пассивной роли, совершенно естественное желание самому быть деятелем. Это стремление к самостоятельной душевной деятельности столь же естественно в нравственно-здоровом человеке, как естественно для здорового организма стремление к самостоятельной деятельности физической.

Все, сказанное мной до сих пор, представляет не более, как напоминание самых общеизвестных, ходячих мыслей, но, ввиду указанного мной у новейших педагогов пренебрежения к фантазии, я счел не лишним напомнить эти общеизвестные факты.

Итак, повторю еще раз, господствующей душевной силой в детском возрасте является *фантазия*, а самой доступной и понятной для детей формой душевной деятельности оказывается *образ*, *картина*. Из этого, конечно, не следует, что дети совершенно неспособны понять мысли и недоступны чувству. Ведь они живут не бессмысленной и не бесчувственной жизнью. В их образах, произведениях их фантазии, конечно, есть и мысль, и чувство. Я только хочу сказать, что детям недоступны ни мысль, ни чувство сами по себе, именно как мысль и чувство; что для того, чтобы сделаться доступными для детей и быть ими воспринятыми, мысль

и чувство должны облечься в образ и в этой образной форме действовать на фантазию детей, а через нее действуют и на ум и на чувство детей. Голая и, следовательно, более или менее отвлеченная мысль не имеет для ребенка никакого значения, потому что он, вследствие слабого действия своей мыслительной способности, еще не в состоянии овладеть этой голой мыслью, а если и овладеет ею, поймет ее, все-таки, не будет знать, что с нею делать, куда отнести ее в том душевном материале, который у него накопился: у него самого голых мыслей нет, а есть проникнутые мыслью образы, которые он любит, лелеет, ласкает, или которых боится и от которых отвращается. Точно также у ребенка нет голого чувства; чувство в нем не действует самостоятельно, а входит, наравне с мыслью, как добавочный фактор в деятельность фантазии. Вследствие этого ребенок не может питать никакого чувства к таким понятиям, которые не могут быть облечены в более или менее определенный образ. Он не может, напр., любить не только человечества, но даже человека вообще, не может любить добродетели или ненавидеть зла, потому что для этих понятий у него нет и не может быть никакого образа.

Итак, взаимные отношения между ребенком и окружающей его внешней жизнью устанавливаются при посредстве создаваемых ребенком образов: все, что не облечено в образ, почти ничего не говорит душе ребенка, проходит мимо него почти без всякого следа. Но за то все, что облеклось у него в тот или другой образ и в этой форме воспринято им, то составляет для него прочное приобретение, и возбужденные этим образом в ребенке мысли и чувства не пропадут даром, а послужат основанием, на котором будет совершаться его дальнейшее развитие. Живя образами, дети смотрят на жизнь и на все их окружающее совсем не теми глазами, какими смотрят взрослые. В этом кроется причина нередко обнаруживающегося взаимного непонимания между взрослыми и детьми: дети часто не понимают того, что говорят им взрослые или чего от них требуют не потому, что они глупее их, а потому, что смотрят на дело иными глазами.

Значение творческой деятельности фантазии в жизни ребенка, по моему мнению, настолько для него всеобъемлюще, творчество фантазии настолько поглощает в нем всякое другое творчество, что я решаюсь утверждать, что создаваемые им образы не только составляют естественную и потому законную форму душевной деятельности в детском возрасте, но даже представляют для него единственный, доступный ему материал знания. Это, конечно, мо-

жет показаться ужаснейшим парадоксом, а многие прямо сочтут это за нелепость. Однако, я попробую доказать или, по крайней мере, объяснить мой мысль. Для этого обратимся к указаниям истории. Это тем более удобно, что психическое развитие отдельного человека и целых масс человеческих, или племен, совершается по одним и тем же законам.

Как известно, младенчество человечества ознаменовано процветанием язычества, достигшего в религиях древних греков и римлян своего полного и всестороннего развития, далее которого язычество идти не могло. Сущность язычества заключается в том, что все явления окружающей человека внешней жизни и некоторые явления его собственной, внутренней жизни, представляются человеком в форме живых, определенных, более или менее художественных образов, под видом которых человек поклоняется непонятным ему, но могущественно на него действующим силам природы и его собственного духа. Около этих образов сосредоточивается вся душевная деятельность человека, все его *мысли* и *чувства*: он их любит или ненавидит, боится их или доверяет им, сообразно с тем, какими явлениями, добрыми или злыми, порождены эти образы; об них уже он размышляет и их же делает исходным пунктом своих *знаний*. Если, напр., язычник утверждает, что гром и молния происходят от удара молота какого-нибудь Индры или Тора или от перунов Зевса, то для него это такое же *знание*, как для нас — объяснение этих явлений столкновением противоположных электричеств. Положим, наше объяснение вполне согласно с действительностью, а объяснение язычника есть плод его фантазии. Но эта разница зависит уже от разницы в степени знакомства с явлениями природы. На той степени знакомства с этими явлениями, какая доступна язычнику, его объяснение есть *единственное, возможное для него и вполне понятное ему*, поэтому он столько же прав, сколько и мы. Если вы докажете язычнику, что его объяснение фантастично и не соответствует действительности и убедите его в истинности вашего научного объяснения, вы подорвете его веру не только в данном случае, но и все его языческое мирозерцание. И мы это действительно видим в истории: философские школы древней Греции, стремившиеся объяснить происхождение видимого мира на основании действительного, реального знания, оставив в стороне фантастические объяснения религии, подорвали все религиозное мирозерцание греков и подготовили падение язычества. В этом их заслуга перед человечеством, но это нисколько не роняет язычества. Оно отслужило свой службу, создав поэтические образы

языческих богов и ответив своим поклонникам на самые насущные вопросы в такое время, когда, кроме него, ничто не могло дать на них ответа.

Но не тоже ли самое видим мы в ребенке? Младенец и по возрасту, и по развитию, он, однако же, подобно народу-язычнику, жадно всматривается в окружающую его жизнь, с непреодолимым любопытством приглядывается к разнообразным ее явлениям и пытается найти им объяснение. Но мысль его, как и мысль народа-язычника, еще бедна знанием; опыт — беден фактами, и, следовательно, для правильного объяснения нет материала. Да и работает его мысль, опять-таки как и мысль народа-язычника, слабо, подавляемая творческой силой фантазии: ум не успеет еще и приняться за свою работу, как фантазия уже создает причудливый образ, фантастическое объяснение и работа ума делается *ненужной и невозможной*; яркое создание фантазии, плод господствующей творческой силы затмевает слабые попытки ума. Попробуйте отнять у ребенка его образы и дать ему, вместо них, реальное знание. Если вам это удастся (говорю «если» потому, что считаю такую задачу почти невозможной), вы подорвете самую основную, творческую, жизненную силу ребенка и вам не на чем будет строить его дальнейшее развитие. Тоже самое было бы, если бы, по каким бы ни было причинам, человечество лишилось возможности пережить свой языческий период, а прямо перескочило бы к реальному знанию. Заслуга греческих философов, разрушивших языческое мирозерцание древнего мира, громадна, но она несколько не умаляет значение язычества. Точно так же и значение реального знания — громадно, но из этого не следует, что значение фантазии ничтожно и что для ребенка будет лучше, если он минует период деятельности фантазии и прямо вступает в область реального знания и отвлеченного мышления. Область знания для ребенка еще очень ограничена. Ему доступно только такое знание, которое может быть облечено в образ, а так как в сфере знания только весьма немногое может быть облечено в образ, то знание ребенка и должно ограничиваться этим немногим. Для того же, чтобы, не сообщая еще ребенку знание, затронуть тем или другим способом его мысль, пробудить ее, дать ей толчок, нет необходимости прибегать к искусственным и, потому, насильственным мерам, так как ребенок находит вполне достаточный материал для своего детского мышления в окружающей его действительности. Все, что он видит вокруг себя: жизнь семьи и ее внешняя обстановка, действия и разговоры взрослых между собой и с детьми, проявления их взаимных отношений, жизнь, совершающаяся вне

дома, прогулки, уличные сцены и т. д., все это останавливает на себе внимание ребенка, все это он подмечает, над всем задумывается. Усиливать в нем мышление искусственно — значит навязывать ему такие размеры умственной деятельности, которые превышают его силы, и готовить из него резонера, самоуверенного болтуна, воображающего, что он все знает, что для него все понятно, ясно, просто. Сверх того, добиться, чтобы ребенок понял и усвоил ту или другую мысль — еще мало. Умственное развитие не может иметь целью простое накопление мыслей. Чтоб ребенок мог извлечь пользу из усвоенной им мысли, необходимо, чтобы он с умел стать к ней в то или другое отношение, оценил бы ее, чтобы он или признал ее хорошей, стоящей внимания и уважения, привязался бы к ней, любил бы ее, стал бы ей дорожить, или чтобы он отвернулся от нее, почувствовал бы к ней отвращение, признал бы ее дурной. Одной логической правоты мысли в этом случае мало. Человек оценивает свои мысли не с одной только логической точки зрения, но также и с точки зрения своего чувства.

Но деятельность самостоятельного чувства, как и деятельность самостоятельного ума, в ребенке еще очень слаба и потому ему нечем руководиться при оценке приобретаемых им мыслей, а, следовательно, и самой оценки он сделать не может. Другое дело — образ, проникнутый доступными ребенку мыслью и чувством. Воспринимая своим творческим воображением этот образ, ребенок не останется к нему безучастным: образ этот и сам собой, и связью своей с другими, уже раньше приобретенными ребенком образами, затронет и мысль его, и чувство, и эта работа мысли и чувства, связанная с творчеством господствующей в детском возрасте силы, не останется, конечно, бесплодной.

Желая, по возможности, не говорить голословно, а приводить в подтверждение своих мыслей действительные факты, я могу привести из жизни своих детей следующий пример детских размышлений над живущими в их душе фантастическими образами: раз дети говорят мне: «Если бы был великан до неба ростом, то большие люди (т. е. взрослые) были бы для него куклами, а людские дома — скамейками или сундуками, грудные же дети его не поместились бы во всю нашу квартиру». Вот образчик детского мышления: оно идет здесь совершенно правильно, только объектом его служит не реальный факт, а фантастический образ. Это пример, правда, довольно мелкий, и я привел его только потому, что не могу в данную минуту вспомнить никакого другого примера. Когда приходится говорить о жизни детей не голословно, а опираясь на факты, невольно по-

жалеешь, что мы слишком много рассуждаем и слишком мало наблюдаем; оттого и выходит, что многие наши выводы разбиваются о факты действительной жизни.

Чтобы рассмотреть занимающий нас вопрос с разных сторон, необходимо, сверх всего сказанного мной, рассмотреть также мнения противоположные тем, которые я старался доказать в этой статье.

Ушинский в своей книге: «Человек, как предмет воспитания», говорит:

Г-жа де Соссюр, описавшая так хорошо первые проявления воображения в детском возрасте, ошибается, однако, называя детей маленькими поэтами, а воображение их сильным, богатым, могучим. Такой взгляд имеют многие на детское воображение и думают, что с возрастом оно слабеет, тускнеет, теряет живость, богатство и разнообразие. Но это большая ошибка, противоречащая всему ходу развития человеческой души. Воображение ребенка и беднее, и слабее, и однообразнее, чем у взрослого человека, и не заключает в себе ничего поэтического, так как эстетическое чувство развивается позднее других; но дело в том, что и слабое детское воображение имеет такую власть над слабой и еще неорганизованной душой дитяти, какого не может иметь развитое воображение взрослого человека над его развитой душой. Не воображение у детей сильно; но душа слаба и власть ее над воображением ничтожна (Т. I, стр. 338).

В «Женск. Образов.» за 1876 г. была помещена статья: «О развитии дара слова у детей», В. Сиповского. В статье этой высказывается та же мысль о слабости воображения у детей.

Интересно узнать, говорит г. Сиповский, на каких фактах основываются, говоря о сильном воображении детей. Ребенок, например, садится верхом на стул и воображает, что он едет на коне; дитя, при виде куска меха, представляет кошку и т. п. При этом часто приходится слышать: какое сильное воображение у этого ребенка! Но ведь еще вопрос, чем надо объяснять подобные явления: тем ли, что здесь сильно действует воображение, или тем, что для него и работы предстоит очень мало, потому что представление ребенка далеко еще не имеют той определенности и полноты признаков, как представления взрослого человека. Для взрослого человека четырех ножек стула и возможности сесть на него верхом мало для того, чтобы вызвать представление лошади, так как представление о ней является у него совокупностью признаков, не имеющих ничего общего со стулом, тогда как ребенку довольно добавить три–четыре признака к признакам стула, чтобы получилась у него вполне та сумма признаков, которая составляет

у него представление лошади. Следовательно явления, принимаемые за доказательство особенной силы воображения у детей, происходят в сущности от бедности представления. Этим же можно объяснить, почему неопределенный рисунок, представляющий некоторое подобие туловища с четырьмя палочками внизу, с прибавкой небольшого кружка с одного конца, признается ребенком изображением лошади; прибавьте к предполагаемой голове две согнутые черточки и бывшая лошадь мгновенно превращается в глазах ребенка в корову... («Женск. Образ.» 1876 г., № , стр. 29).

Таким образом отрицается *сила* фантазии у детей: Ушинский признает, что «*воображение ребенка и беднее, и слабее, и однообразнее, чем у взрослого человека*» и что «не воображение у детей сильно; но душа слаба и власть ее над воображением ничтожна», а г. Сиповский утверждает, что «*явления, принимаемые за доказательство особенной силы воображения у детей, происходят в сущности от бедности представления*».

Я не думаю, чтобы можно было согласиться с подобным взглядом на детскую фантазию² и полагаю, что взгляд этот есть, в сущности, результат некоторого недоразумения. В самом деле, из слов Ушинского и г. Сиповского выходит, что в тех случаях, в которых фантазия взрослого человека ничего создать не может, фантазия ребенка создает определенный образ и однако, признается более слабой, чем фантазия взрослого человека. Представьте себе такой случай: два человека затеяли два совершенно одинаковых торговых предприятия, положим — открыли мелочную торговлю, каждый отдельно от другого. Один из них нажился, а другой разорился. Очевидно, что нажившийся имел какое-нибудь преимущество перед разорившимся: или у него денег было *больше*, или знание дела *больше*, или удачи ему было *больше* и т. п.; но никогда бы он не нажился, если бы или денег у него было *меньше*, или знание дела *меньше*, или удачи *меньше*. В разбираемом же нами вопросе выходит наоборот: у ребенка, сравнительно со взрослым человеком, и душа слабее, и воображение беднее, слабее и однообразнее, и представление беднее, а все-таки он оказывается *сильнее* взрослого, ибо создает образ из такого ничтожного материала, из которого взрослый ничего сделать не может!³ Ушинский, правда, как будто устраняет это противоречие утверждением, что сила детской фантазии велика только относительно, только потому, что его *душа* слаба. Но подобное объяснение не выдерживает критики: технологю менее всего простительно отделить какую-либо душевную силу от самой души, потому что души, отделенной от душевных сил,

от ума, от чувства, от воображения, мы не знаем и даже представить себе не можем. Сверх того, на чем основывается мнение, будто душа ребенка *слабее* души взрослого человека? Душевные силы человека не увеличиваются по мере его роста *количественно*. Размеры их остаются те же в течение всей жизни человека, с момента его рождения до самой смерти: с чем человек родился, с тем и умрет; *прибавить* ему душевных сил, *увеличить их количество* — нельзя никакими способами и приемами. С возрастом человека изменяется только *объем деятельности* той или другой душевной силы. Если мы говорим, что какая-либо душевная сила в человеке *развивается*, то это не значит, что она *увеличивается количественно*, что силы этой в человеке *прибавляется*, а значит только, что эта сила стала *дейтельнее*⁴, а потому и заметнее; прежде она действовала слабо, и потому мы ее не замечали. Из всех душевных сил на первых порах, в детстве, сильнее всего действует в человеке *воображение*, потому что для него нужна внешность, форма, образ, которые, конечно, легче схватываются, чем внутренний, часто довольно глубоко скрытый, смысл явлений. Но раз воображение заняло господствующее положение, оно будет, до поры, до времени, парализовать деятельность других душевных сил, будет подчинять их себе. Так будет до тех пор, пока незаметная, но продолжительная и упорная работа этих непризнанных, так сказать, сил не подорвет силы и власти воображения и не вдвинет его в более ограниченные пределы, из которых воображение уже никогда не выйдет. Если это так, то каким же образом воображение взрослого человека, уже осиленное другими душевными силами и поставленное ими в свои границы, может оказаться *сильнее* детского воображения, работающего на полном просторе и господствующего над умом и чувством человека? Однажды в прошлом году, когда моей дочери был 7-й год, я вздумал заставить ее выучить наизусть известную колядку: «За рекой, за быстрой». Дело пошло было хорошо, девочка выучила почти всю песню, но вдруг не захотела больше учить, и как я мог заключить из ее объяснения, *ее испугал* мрачный колорит этой песни: «не хочу я учить все про огни, да про ножи», — говорила она. Таким образом песня, не наводящая никакого страха на взрослого, испугала своей мрачной картинностью ребенка. У кого же воображение оказывается сильнее?

Что касается мнение г. Сиповского, будто не воображение сильнее у детей, а представления бедны, то и оно может быть признано справедливым только отчасти. Представления детей, вследствие их малого знакомства с внешним миром, действительно неполны и

неопределенны. Но эти недостатки детских представлений отражаются не на деятельности их фантазии, а на деятельности их ума: из своих представлений дети не могут образовать правильных *понятий*. Но эти представления совершенно достаточны для того, чтобы произвести на детскую фантазию то или другое *впечатление*, с которого и начинается ее работа. Если ребенок, наряжая или укачивая куклу, воображает, что у него в руках живое существо, то он поддается в этом случае не сходству самых предметов, а сходству впечатлений от этих предметов на него. Для логической работы ума необходимы представления, понятия, суждения, умозаключения, а для творческой работы фантазии необходимы впечатления. Если бы логическая определенность представлений была безусловно необходима для творческой деятельности человека, то человечество никогда не знало бы многих и, притом, самых важных открытий и изобретений. Мы в настоящее время знаем и дорогу в Америку, и самую Америку в бесчисленное число раз лучше Колумба, который об Америке не имел никакого понятия, а дорогу к ней нашел почти ошупью; тем не менее он также верно был убежден в существовании материка на запад от Европы, как и мы. Но между нашим знанием и знанием Колумба та разница, что наше знание — вполне научное, т. е. основанное на действительных, очевидных фактах и на выведенных из них, совершенно правильных, логических понятиях и суждениях, а знание Колумба родилось из самых неясных и неопределенных данных. Мы верим в существование Америки потому, что мы ее видим, бываем в ней, изучаем ее, а Колумб верил в ее существование еще тогда, когда ни сам он, ни современники его ее не видали. Факты, на которых он основал свою веру, были известны и до него, были известны и многим его современникам, но только творческая сила Колумба почерпнула из этих неясных и ничтожных данных ту веру, которая помогла ему сделать его замечательное открытие. Следовательно, если даже в *научной* сфере непосредственное «творчество» составляет самую главную силу, без которой никакое движение вперед невозможно, то в сфере фантазии это «творчество» приобретает еще большее значение. Сверх того, что значит *неполнота, неопределенность* представлений? Есть ли это что-нибудь абсолютное, для всех одинаковое? Очевидно — нет. Те же самые данные, которые для других были недостаточны, неполны и неопределенны, привели Колумба к его знаменитому открытию. Также и в сфере открытия. Те же самые неясные, неполные, неопределенные представления, из которых взрослый человек ничего сделать не может, дают *обильную* пищу творческой силе

детской фантазии и служат материалом для тех образов и картин, которыми живут дети. Детская фантазия, *возбужденная* впечатлениями от скудных детских представлений, творит целые образы и картины, далеко оставляющие за собой всякую действительность.

Как известно, этой восприимчивостью и впечатлительностью детей объясняется их живость и подвижность. Однообразие впечатлений лишает пищи их фантазию. Поэтому-то дети и любят все новое, ищут впечатлений. Этой же впечатлительностью объясняется быстрая сменяемость душевного настроения детей: они очень быстро переходят «от смеха к слезам и от слез к смеху, от гнева к ласке, от скуки к веселью и от веселья к скуке»⁵.

Мнение г. Сиповского находит себе, по-видимому, подтверждение в том общеизвестном факте, что, чем натуральнее сделана игрушка и, следовательно, чем определеннее вызываемое ей представление, тем больший восторг и удовольствие возбуждает она в детях. Известно, напр., какой восторг возбуждает в девочках восковая кукла с закрывающимися глазами, произносящая звуки: папа и мама. Но факт этот легко объясняется и с противоположной точки зрения: чем определеннее представление ребенка, тем сильнее будет производимое им впечатление и, следовательно, тем сильнее будет возбуждена фантазия, тем сильнее будет она работать. К тому же, фантазия не есть сила воспроизводящая; она не зеркало, отражающее в себе только то, что стоит перед ним; она сила «творческая», для которой окружающая ребенка жизнь служит только материалом и творчество которой заключается в самых разнообразных и *самостоятельных* комбинациях данного материала. Наконец, рядом с приведенным фактом существуют факты противоположные: ребенок, обладающий превосходными, натурально сделанными игрушками, не довольствуется ими и не бросает из-за них игрушки, сделанные хуже. Моя дочь, напр., не довольствуется своими хорошенькими, восковыми, говорящими куклами и пополняет свое собрание кукол самодельными, сделанными из тряпок, и часто нянчится с ними и украшает их больше, чем первые; или возьмет простую, деревянную, ножную скамеечку, поставит ее узким ребром на пол, наденет на нее свое платье или братнину рубашку, и кукла готова: ножки скамейки, лежащие на полу, служат ногами этой импровизированной куклы, а верхние ножки, торчащие на воздухе, служат руками и за одну из них девочка пресерьезно водит эту скамейку по комнате, между тем как восковые куклы валяются в корзинке. Все эти факты показывают, что тут дело вовсе не в богатстве и определенности представлений, которые играют тут не пер-

востепенную, а посредствующую роль; главным фактором является тут творческая сила фантазии, обладая которой ребенок может обходиться в данную минуту даже и вовсе без внешних возбудителей. Для него не только четырех ножек стула достаточно, чтобы вообразить лошадь, но он может обойтись и без всякого стула, может, напр., сидя на диване или лежа в кровати, воображать, что он мчится на лошади. Мои дети, напр., очень хорошо знакомы с лошадьёю и сумеют отличить ее от всякого другого животного; тем не менее, одна из любимых игр у них вот какая: они садятся на плетеный детский столик, впереди которого, спинкой вперед, ставят плетеный же детский стул; на спинку стула навешивают погремушек и лент, привязывают к нему возжи и отправляются путешествовать; дочь обыкновенно правит, а сын изображает путешественника. При этом ведется длинный импровизированный рассказ о том, где они побывали, куда заехали, что делали, как их принимали и угощали, и т. д. Рассказы эти, в которых разыгрывается детская фантазия, и составляют главную прелесть игры, почти всегда продолжающейся довольно долго. В этой игре дети, без сомнения, увлекаются не тем, что принимают стул за лошадь, хотя их удовольствие было бы еще больше, если бы вместо стула они могли запречь в свой фантастическую повозку деревянную лошадь (что они и делали, пока лошадь не сломалась); и деревянная лошадь, и заменяющий ее стул, как и остальные, употребляемые в игре вещи, служат тут только для создания подходящей к игре обстановки, для видимой картинности самой игры, которая и затевается, и ведется по прихоти детской фантазии.

До какой степени велика творческая сила детской фантазии, видно из того, что дети часто даже «видят» то, чего вовсе не было. Однажды моя дочь (когда ей было еще года 4 или 5) увидела женское боа, сделанное на подобие зверя, с головой, ушами и глазами. Она приняла его за мышь, и когда ей стали объяснять, что это не мышь и, вообще, не зверь, она начала уверять, что сама видела, как эта мышь выбежала из-под кровати. Сюда же относится общеизвестная детская «ложь», т. е. привычка утверждать то, чего не было. В сущности это не сознательная и не намеренная ложь, а невозможность для ребенка отличить действительно бывшее от созданий его фантазии.

Теперь обратимся к рассмотрению тех взглядов, на основании которых деятельность фантазии считается чем-то вредным и опасным в детском возрасте.

Противники фантазии, не отвергая ее силы у детей, считают вредным для них давать пищу их фантазии на том основании, что

питание ее идет, будто бы, в ущерб развитию ума и способствует укоренению в ребенке суеверия. «У детей и без того сильно развита фантазия, говорят они, и слабо работает мысль, а вы еще хотите усилить работу фантазии, питая ее сказками и разными фантастическими рассказами, и, таким образом, готовите из детей „фантазеров“, не способных ни к какой здоровой, трезвой мысли».

Забота об умственном развитии человека — забота великая, и пренебрегать ей ни в каком случае не следует, но и утрировать ее тоже не следует. Что сказали бы приверженцы только-что приведенного мной мнения, если бы услышали такое рассуждение: «По научным исследованиям оказывается, что мясо питательнее молока и необходимо для человеческого организма. Чем больше человек ест мяса, тем он здоровее. Следовательно, вредно кормить грудных детей молоком, а следует приучать их к мясу, чтобы из них вышли крепкие и здоровые люди?» Они, очевидно, ответили бы: «Мясо, действительно, питательнее молока, но беда в том, что организм грудного ребенка не может с ним справиться, и если его будут кормить мясом, вместо молока, то он его не переварит и умрет». Но не тоже ли самое и в вопросе о фантазии: мысль — вещь хорошая и необходимая для человека, но только в свое время, когда человек получит возможность справиться с ней. Ускорить эту возможность искусственными мерами — нельзя. Не следует только мешать человеку дорости до способности мыслить. Но из того, что человек должен уметь мыслить, не следует, что он не должен совсем пользоваться другими своими силами. Напротив, правильное развитие требует, чтобы все делалось в свое время. Когда у человека слабо работает мысль, то сильно работает какая-нибудь другая сила, напр. у детей — фантазия. Если хотите, чтобы ребенок развивался правильно, не насилюйте его природы, которая знать не хочет ваших теоретических выводов, а изучайте природу ребенка и следуйте ее указаниям. Когда эта природа требует хлеба, не давайте камня; когда она требует образов, не давайте, вместо них, отвлеченной, логической мысли. Умейте ждать и все придет в свое время. Убедитесь хоть следующим общеизвестным примером: садоводы могут разными искусственными мерами ускорить появление цветов и плодов на растениях; но такое насилие не проходит даром: подвергшись ему, растение скорее других отживает свой век.

Говорят также, что сказки и, вообще, произведения фантазии развивают в детях суеверие. Но что такое суеверие? Суетная, напрасная, бесполезная, никуда негодная вера. Когда же вера во что-либо делается суетной, бесполезной, никуда негодной? Тогда,

когда человек, *имея возможность убедиться*, что то, во что он верит, — фикция, ложь, небывальщина, что она противоречит самым очевидным, осязательным истинам человеческого знания, все-таки продолжает сохранять свою веру в эту ложь и небывальщину. Напр., если образованный человек верит в тяжелые и легкие дни, в целебную силу нашептывания и наговора — это суеверие, потому что он, именно как образованный человек, учившийся разным наукам, читавший разные научные книги, *может и должен знать*, что ни тяжелых, ни легких дней не существует, что болезнь есть известное нарушение отправления организма, которых нашептывание и наговор изменить не могут. Понятно, что суеверия *в этом смысле* у ребенка, в большинстве случаев, быть не может, так как он не обладает и не может обладать в надлежащей мере знанием истинных причин, происходящих вокруг него явлений. Для этого нужен правильно и свободно работающий ум и большой запас личного опыта: ни того, ни другого у ребенка нет; для самостоятельной деятельности ума еще не наступило время, а опыта ребенок еще не успел набраться. Не будучи в состоянии ни самостоятельно, ни даже с чужой помощью критически относиться к предмету своих верований, он отдается им с простодушием неведения. Но не следует чересчур бояться этой детской веры. Детская вера не суетная, а искренняя и истинная. Как вы ни гарантируйте ребенка от излишних верований, он создаст себе сам предмет веры, потому что он не может обойтись без веры. Но придет свое время, начнет работать у ребенка мысль и разоблачит перед ним все его ложные верования. Следует только помочь этому естественному развитию, а не ускорять его насильственно.

Говорят также, что человеку, привыкшему во что-либо верить, сжившемуся с этой верой, больно от нее отказываться; следовательно, предохраняя ребенка от верований в разные фантастические образы, мы избавляем его от тяжелых нравственных минут в будущем. Это, по моему мнению, опять излишняя и вредная заботливость. Если человек привыкнет жить без нравственной борьбы, он будет безнравственным человеком; у него не будет никаких твердых верований, чувств, убеждений, не будет любви к истине и желания бороться за нее, он на все будет смотреть легко, все будет уступать без борьбы, будет жить без всяких нравственных интересов и образовавшуюся в своем нравственном бытии пустоту наполнит эгоистическими, своекорыстными, материальными интересами. Подобное нравственное состояние человека, без сомнения, ужаснее тех временных нравственных страданий, от которых хотят

избавить ребенка, но в которых вырабатывается и крепнет нравственное существо человека и из которых он выносит веру в самого себя и в свое человеческое достоинство. Поэтому, следует дорожить способностью человека привязываться к своим верованиям и убеждениям, следует воспитывать в нем способность бороться с самим собой и выходить победителем из нравственных противоречий, из нравственной борьбы. Но для этого мы должны не лишать его этой борьбы, а помогать ему в ней, наводить его на путь истины, давать ему оружие для предстоящей борьбы и приучать его правильно пользоваться этим оружием. Некоторые думают, что такая борьба может оказаться не по силам человеку, особенно в период его развития, и, в доказательство этого, ссылаются на то, как простолюдину, крестьянину, трудно и даже зачастую невозможно отказаться от многих своих верований, даже и тогда, когда он, по-видимому, согласен с тем, что ему приводят в опровержение его заблуждений. Это верно. Но, во-первых, крестьянин гораздо сильнее ребенка сживается со своими верованиями, потому что гораздо дольше живет с ними; а во-вторых, его стесняет общественное мнение его среды, вера в справедливость этого общественного мнения, страх перед необходимостью вступить в борьбу с окружающим его обществом. Отделите его от этой среды, поставьте в обстановку, с которой он ничем не связан, и он скорее откажется от своих заблуждений. Ребенок, очевидно, находится в совершенно иных условиях и потому свободен от этого подавляющего страха. Окружающая его среда (я говорю о детях образованного класса и, вообще, о детях «учащихся», на которых влияют и более или менее образованные члены семьи, и школа, и книги, и вся окружающая их обстановка) не только не вызывает его на борьбу с собой, но, напротив, всем своим строем влияет на него в просветительном смысле и этим, в значительной степени, облегчает уже ему борьбу с его ложными верованиями и понятиями.

Противники фантастического элемента в развитии детей боятся слишком сильного развития фантазии, в ущерб другим силам души. Конечно, крайности везде и во всем вредны. Но никто же и не предлагает намеренно развивать в детях фантазию. Не следует только впадать в другую крайность и лишать детей самой насущной, самой естественной и плодотворной для них духовной пищи. Да к тому же, развитие всякой силы имеет свои естественные пределы, далее которых оно идти не может. Пределы эти, ограниченные сами по себе, значительно суживаются еще участием других сил. Переходя из детства в отрочество, человек постепенно перестает

увлекаться деятельностью фантазии. Деятельность эта начинает уступать место другой духовной силе — чувству, которое, сменив, но не устранив фантазию, начинает требовать себе больше пищи, не довольствуясь тем, что доставалось ему на долю в период деятельности фантазии. Коль скоро будет замечен в человеке этот переход от деятельности фантазии к деятельности чувства, должен быть положен предел преобладающему развитию фантазии и внимание воспитателей и лиц, заботящихся о развитии ребенка, должно быть обращено на то, чтобы дать пищу пробудившемуся чувству. Если эта перемена духовной пищи будет сделана удачно и вовремя, деятельность фантазии будет поставлена в свои естественные границы. Переход от отрочества к юношеству обнаруживается пробуждением мысли и порождаемым ей критицизмом, сомнением, стремлением подвергнуть все проверке и обсуждению. Дело воспитателя подметить этот переход и постараться удовлетворить пробудившуюся потребность. Развившееся и правильно воспитанное чувство опять будет поставлено в свои естественные пределы. Такова схема развития человека, и если бы указанные периоды в развитии человека наступали с той простотой, с какой я изложил их; математически правильно, в определенное время и с очевидной резкостью, воспитание было бы весьма легким делом. В действительности же смена периодов совершается постепенно и незаметно, сопровождаясь большим или меньшим нравственным беспокойством, недовольством, неудовлетворенностью, разочарованностью, притекающими от чувства душевной пустоты. Внешним выражением этого промежуточного нравственного состояния часто служит раздражительность, капризы, недовольство своим положением у одних; задумчивость, сосредоточенность или рассеянность у других; апатия, лень, бездеятельность у третьих и т. д. Все это служит часто признаком совершающегося в человеке переворота, происходящей в нем борьбы, порожденной сменой одних деятельных сил другими. Избавить человека от этого мучительного нравственного состояния, раз оно наступило, нельзя. Человек непременно должен сам переработать себя, сам должен найти выход из своего состояния. Можно только облегчать ему это состояние участием, внимательностью, снисходительностью, вовремя оказанной нравственной поддержкой. И если воспитатель будет сам человеком правильно развитым, будет обладать знанием человеческой природы, наблюдательностью, проницательностью, сумеет привязать к себе ребенка и поселить в нем веру в свои силы — он сумеет оказать ему большую услугу и поддержит его в самую критиче-

скую для него минуту. Предотвратить же эту критическую минуту искусственными мерами хотя и возможно, но ни в каком случае не желательно, потому что всякие искусственные меры в борьбе с природой приводят к совершенно иному результату, чем какой от них ожидается: искусственные меры порождают искусственные явления, останавливают естественное развитие, уродуют и насилюют природу. Наилучшее доказательство невозможности бороться с природой представляют новейшие книжки для детей (различные азбуки, хрестоматии, сборники и т. п.). Авторы и составители этих книжек, опасаясь и избегая фантастического элемента в развитии детей, налегают на развитие в них мыслительной способности и стараются приучить их к *самостоятельным выводам* из тех явлений и фактов, с которыми знакомятся дети. Но, сознавая еще слабосилие ребенка в этом отношении, стараются искусственно так сопоставить факты, чтобы вывод напрашивался сам собой, причем вывод этот является не в форме научной мысли, а в форме нравоучения, наставления. Этим объясняется, почему почти все новейшие детские книжки наполнены «нравоучительными» рассказами, которые тем только и отличаются от старинных нравоучительных рассказов, что в них наставление, нравоучение не пристегивается к рассказу ни с того, ни с сего, а как бы вытекает само собой, так, чтобы ребенку могло показаться, что он сам вывел эту мораль из прочитанного рассказа. Но какие бы усилия ни употреблялись для замаскирования искусственности, она очень резко чувствуется во всех этих рассказах, как взрослыми, так и детьми. Дело тут в том, что «придумать» примеры на разные нравственные сентенции очень мудрено. Научает человека не наставление, а жизнь, как та, которая его окружает, так и та, которую он находит в книгах. Вместо того, чтобы, подтасовывая факты, искусственно их соединяя и сопоставляя, насильственно подводить ребенка к желанному выводу, следует стараться о том, чтобы сама жизнь навела ребенка на этот вывод, чтобы вывод этот был плодом тех впечатлений, образов, чувств и мыслей, которые возникнут в ребенке из его знакомства с жизненными явлениями. Этот путь медленнее и по нему труднее вести ребенка, потому что на этом пути за самим собой приходится наблюдать еще больше, чем за ребенком; но за то он вернее и плодотворнее. Ребенок не будет «заучивать» желаемые выводы, а сам их выработает в себе и потому никогда их не забудет.

Заключу эту статью повторением вкратце всего, мной сказанного:

В детском возрасте фантазия работает очень сильно. Преобладая над остальными душевными силами и подчиняя их себе, она действует у ребенка гораздо сильнее, чем у взрослого, у которого она сдерживается деятельностью остальных душевных сил. Через посредство создаваемых фантазией образов ребенок знакомится с окружающей его действительностью; на этих же образах воспитываются его ум и чувство, следовательно они представляют единственную, доступную и понятную для ребенка форму знания. Опасаться фантазии и пренебрегать ей, увлекая ребенка на путь отвлеченного логического мышления — значит искусственно задерживать его естественное развитие и обессиливать его нравственное существо. Но, конечно, не должно доводить деятельность фантазии до ее крайних пределов, до разнузданности, не должно давать фантазии поработить ребенка. Возражения, которые обыкновенно делаются против развития в детях деятельности фантазии, происходят от излишней и потому вредной заботливости, от ложного убеждения, что все воспитание должно быть направлено преимущественно к развитию в детях мыслительной способности, от стремления подчинить природу теоретическим выводам. Правильное развитие требует, чтобы каждая душевная сила была удовлетворена в своем законном стремлении к деятельности; каждой силе, в период ее преобладания, должен быть дан для работы соответствующий ей материал. Только при таком постепенном развитии отдельных душевных сил человека можно достигнуть правильного и согласного действия всех их в зрелом возрасте.

Примечания

- ¹ Статья эта заключает в себе несколько оригинальных замечаний и верных соображений, весьма важных в педагогическом отношении. Но считаем долгом оговориться, что, в толковании некоторых свойств и проявлений детской природы, редакция расходится с автором статьи. В надлежащем месте сделаны примечания от редакции. Ред.
- ² Говорю «фантазию», потому что в приведенных мной цитатах речь идет о воображении творческом, активном (как называет его Ушинский), которому собственно и присвоено название фантазии. Ф. В.
- ³ Очевидно, что автор оспаривает мнения своих противников по недоразумению. Что ребенок гораздо большее время фантазирует, чем взрослый вообще, — это не подлежит сомнению; что фантазия у ребенка легче возбуждается, чем у взрослого человека, — это тоже вполне справедливо. Но из этого еще нельзя заключить, что сила фантазии у ребенка больше, чем у взрослого человека. Ведь это все равно, что признавать

у ребенка больше физической силы, чем у взрослого, на том основании, что ребенок, по-видимому, гораздо больше производит движений, чем взрослый, или заключать о большем запасе слов у ребенка сравнительно со взрослым на том основании, что иной ребенок может без умолку болтать целые часы. Для определения силы фантазии надо принимать во внимание не только продолжительность действия ее, но и степень напряжения, сказывающуюся в большей или меньшей яркости и полноте образа. Живость, легкую возбуждаемость детской фантазии автор принимает за силу ее. Если ребенок и «создает образ из такого ничтожного материала, из которого взрослый ничего сделать не может», то не следует забывать, что ребенок создает и образ ребяческий, скудный признаками, туманный. Если взрослый человек не производит подобных ребенку продуктов фантазии, то не потому, что неспособен произвести их, а потому, что вследствие большого умственного развития не дает воли своей фантазии там, где слишком мало материала для ее творчества. Взрослый здравомыслящий человек не станет, подобно ребенку, тешиться постройкой карточных домиков; но странно было бы заключить отсюда, что взрослый менее способен строить их, чем ребенок. Ред.

⁴ Автор, несправедливо упрекнув Ушинского в том, что он будто бы отделяет «душевную силу от самой души», впадает здесь именно в ту ошибку, какую ищет у Ушинского. Автор отделяет деятельность от силы. О существовании какой-либо силы и о размерах ее мы только и можем заключать на столько, на сколько она выразилась в деятельности. Ред.

⁵ Ушинский, Т. I. — 338. Он, впрочем, объясняет подвижность детской души тем, «что в ней, так сказать, еще мало собственного весу; эта беспрестанная смена ее характеров (говорил он) объясняется именно тем, что в ней не выработался еще свой характер». По-моему, это скорее каламбур, чем объяснение. Ф. В.